

АВЕТ ГАБРИЭЛЯН: ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Авет Габриэлян (11.05.1899-19.06.1983) – выдающийся скрипач, основатель и бессменный руководитель квартета им.Комитаса, лауреат Сталинской премии, народный артист Армянской ССР, обладатель других многочисленных международных наград и премий, родился в городе, которого сегодня нет на карте. Это Новый Нахичевань или Нахичевань-на-Дону, ныне Пролетарский район г. Ростова-на-Дону².

Детство будущего блестящего скрипача протекало вполне благополучно, хотя брак родителей распался рано. Отец Авета, Карп (Карапет) Тер-Габриэлян имел магазин, приносивший достаточный доход, поддерживал детей материально. Его мать, Мария Артемьевна Хорозян растила пятилетнюю Шурочку и трехлетнего Авета (Адинька, как его все звали) в большой и дружной семье Хорозянов, жили они в доме № 5 по 21-ой линии г. Нахичевани-на-Дону. Дед моего отца, Артемий Лукьянович Хорозян (Арутюн – арм. воскресение), золотых дел мастер, искусный ювелир, на Всемирной парижской выставке 1900 года был удостоен диплома за письменный прибор, воспроизводивший композицию Эчмиадзинского кафедрального собора, выполненную из серебра. Семья гордилась его талантом. Вместе со своей супругой, бабушкой Авета, Рипсима Тер-Акопян, воспитывал пятерых детей: четырех дочерей – Марию, Елену, Искуи, Евгению, и сына Саака.

Мария Артемьевна была кассиром в молочном магазине. Эта мужественная и волевая женщина, держала, как говорят, все в руках. Семья Хорозянов была музыкальна: Евгения прекрасно пела, Саак стал профессиональным скрипачом. Авет подростком сидел на дворовом балконе в Нахичеване-на-Дону и «наяривал» сутками

---

¹ Нарине Аветовна Габриэлян – дочь Авета Карповича Габриэляна, преподаватель по классу фортепиано, заслуженный деятель культуры РФ.

² См.: Будагян А. Авет Габриэлян в начале пути. – Ереван, изд.Амроц, 1999. С. 5-6.

на мандолине, всё, что слышал. Однажды сестра Евгения, прекрасно поющая, и Искуи, будущий химик и супруга выдающегося художника Ваграма Никитича Гайфеджяна, которые обожали Авета, попросили Саака, своего брата скрипача, проверить слух у Авета, так как 8-летний малыш явно тянулся к музыке: как-то он убежал со двора в соседний парк, откуда доносились звуки симфонического оркестра, часами слушал музыкантов, а мать с сестрами, обнаружив его в парке на скамейке спящим, забирали домой.

На вопрос «Есть ли слух у Авета?» ответ был шутливо-загадочным, я бы сказала, вопросительным, зная невероятное влечение к музыке Авета. И он сказал: «1% – за, 99% – против». Скорее всего, он имел в виду, что все наоборот. Рассказывают, что Авет разобиделся и сказал: «Я вам докажу, что не 1%». Музыка действительно оказалась его призванием. Со временем своим упорством, фанатичной преданностью любимому делу, ничего и никому не стараясь доказать, неповторимым звучанием (так писали критики) своей скрипки обрел любовь и признание самой взыскательной публики.

В садике хорозяновского дома, под сенью деревьев, бабушка Рипсима накрывала стол, за которым собиралась вся семья. Все всегда с благодарностью вспоминали гостеприимство и атмосферу сердечности и доброжелательства, царившую в семье. Папа, вспоминая свое детство, говорил увлеченно об искусстве кулинарии далекого Нахичевана, о традициях его семьи. Остался в памяти рассказ о 40-листном пироге с форелью его бабушки, который в рождественские праздники готовился целый день. В Нахичеване, в Ростове-на-Дону, на родине папы, все армяне пили калмыцкий чай (калмух-чай) – черный, прессованный, в виде плитки. Моя бабушка, Мария Артемьевна и ее сестры приобщили маленького Авета к этому дивному напитку.

В Ереване, в 65-ом, в доме у моей тетушки Усти и я была приобщена к этой необычной еде – черный чай, размешанный с молоком, напоминающий в готовом виде суп, туда клали сыр, масло,

соль, мускатный орех (цедру), сухарики из матнакаша³. Калмух-чай, как плотный обед – сытный, очень полезный, съеденный утром, давал энергию и заряд на целый день.

Папа до того истосковался по калмух-чаю, что, когда тетя Устя однажды приехала к нам в Москву, они с папой, помнится, утром и вечером только его и пили. Это было в доме на Брюсовском, в году 1957-58. Да, к предыдущему абзацу надо добавить, что тетя Устя, дабы не тратить время на приготовление сухарей, привезла их с собой в мешочке. Она отвергала московский хлеб, считая, что вкусно только из матнакаша. Моя бабушка, да и тетя Устя, часто повторяли слова их брата Саака Хорозяна: «Традиция – это нравственный порядок». Мы, при жизни бабушки, сохраняя рождественские традиции армян Нахичевани-на-Дону, готовили кутью с мёдом и жареным фундуком. Почему-то это блюдо у русских едят в траурные дни с рисом (но не с пшеницей, как у нас). Папа с любовью вспоминал приготовление этого лакомства в годы своего детства.

Авет любил свою мать преданно и нежно. Вырастив своих двоих детей, ей было суждено пережить тяжелую утрату: в 22-летнем возрасте от туберкулеза умерла ее любимая дочь Шурочка – студентка Ростовского медицинского института. Сосредоточившись на заботе о сыне, Мария Артемьевна была с ним неразлучна. Авет отвечал матери горячей и искренней привязанностью.

Сердечные отношения установились у Авета с младшей сестрой матери – Искуи Артемьевной. Ей он поверял сокровенные мысли и с нею вел переписку до последних дней жизни.

Бабушка часто говорила на нахичеванском диалекте. Во время её общения с тетей Устей, в год приезда младшей сестры в Москву, я не могла понять даже приблизительно, о чём они беседуют. Папа толком не знал армянского, иногда с грехом пополам вклинивался и выкрикивал «Ахэк э»; если память не изменяет, что-то типа одобряющего утверждения. Вот тебе «родной-иностраный». Забавно слушалось и только; иногда закатывалась со смеху от звуковых словосочетаний.

---

³ Матнакаш – армянский хлеб, дословно «пальцем проведенный». (Мат – палец, каш – тянуть).

Искуи Артемьевна получила высшее образование, окончив физико-математическое отделение Петроградских (Бестужевских) высших женских курсов. Она с любовью занималась с Аветом по школьным предметам.

Авет учился в семинарии, наиболее известном учебном заведении Нахичевани-на-Дону. Ее слава вышла за пределы области. В семинарии хорошо было поставлено изучение литературы и истории, музыки: вот откуда зародилась такая любовь к музыке, помимо природных данных, и интерес к художественной и исторической литературе. Читением Авет был увлечен всю жизнь! Основу уроков пения и музыки здесь заложил в начале века выдающийся деятель Геворк Чорекчян, получивший философское и музыкальное образование в Лейпциге. Чорекчян руководил и хором центральной церкви Сурб Григор Лусаворич. Впоследствии в 1945-1954 годах Геворк Чорекчян занимал высший духовный пост Католикоса всех армян. Кстати, в этом хоре пела одна из сестер Хорозян – Евгения, обладающая хорошим голосом и отличным слухом.

Одним из очагов просвещения в Нахичевани-на-Дону была музыкальная школа. Класс скрипки там вел Григорий Павлович Серебряков (армянам в Российской империи часто давали фамилии по роду деятельности. – прим. ред.), армянин по происхождению, получивший музыкальное образование в Германии. До 11 лет о музыкальном образовании Авета никто и не задумывался. Все услышанное он наигрывал на мандолине. С инструментом он не расставался. Дед Артемий по слуху играл на скрипке армянские мелодии, а Авет то же самое – на мандолине. Дед и внук вот так и музицировали.

В семье Хорозянов был и профессиональный скрипач – младший брат четырех сестер Саак Артемьевич Хорозян, окончивший Ростовское музыкальное училище у проф. О.И. Чабана у А.Г. Меца и Московскую консерваторию у выдающегося педагога, профессора И.В. Гржимали с Большой серебряной медалью (его сын Грант Хорозян – талантливый фаготист, 1-ый фагот оркестра театра оперы и балета им. А.А. Спендиарова в Ереване).

Саак был всего лишь на 9 лет старше племянника. Часто квартет, созданный дядей, собирался в каникулярный период в отчем доме. Звучала камерная и квартетная музыка, завораживающая Авета. С тех пор, Авет можно сказать, навсегда сроднился с квартетной музыкой. Дядя же преподавал Авету первые уроки, а затем передал его своему товарищу Серебрякову в музыкальную школу. Училище же Авет закончил у Н.К. Авьерино, который вел квартетную дисциплину.

Яркие впечатления сохранились у Авета от встречи с С.В. Рахманиновым в Ростове. Ансамбль, созданный Авьерино, исполнил ему «Вокализ». Рахманинов остался очень доволен и сфотографировался с участниками ансамбля. Но у Авета это фото не сохранилось. Для него был дорог сам факт общения с великим композитором. Благодаря Николаю Константиновичу Авьерино, Авет не пропустил ни одного концерта знаменитых музыкантов, гастролировавших в Ростове.

Необходимо упомянуть еще и о том, что М.Ф. Гнесин, «взявший на заметку» Авета Габриэляна, развернул работу по пропаганде искусства среди различных слоев населения. В начале 20-х гг. Авет Габриэлян создал и руководил студенческим квартетом, который стараниями М. Гнесина, возглавлявшего музыкальную секцию Донского отделения народного образования, получил статус государственного коллектива и стал именоваться Вторым областным госквартетом.

Годы учебы в Московской консерватории стали временем формирования большой творческой личности. У нас дома часто вспоминали о московском Доме Культуры, где жили деятели культуры Армении. Он располагался в бывшем Доме Лазаревых, знаменитом Лазаревском институте восточных языков, что в Армянском переулке, более ста лет являвший собой центр науки и армянской культуры.

Дом был всегда полон жизни. На одних этажах шла учёба, на других было общение. Во время творческих стажировок, там жили

молодые композиторы – А. Бабаджанян, Э. Мирзоян, А.Худоян, А. Арутюнян.

Дом был очагом дружбы, куда были вхожи деятели разных народов.

В 30-е годы, молодой квартет, созданный моим отцом, выступал в зале Дома Культуры постоянно и в дальнейшем, уже после присвоения квартету имени Комитаса, основоположника армянской классической музыки, с успехом пропагандировал русскую и западную классику, творчество лучших армянских композиторов. Дом жил встречами с большим Искусством.

Отец с большой теплотой вспоминал годы, прожитые в Армянском переулке, хотя и был стеснён жилищными условиями. Постоянные музыкально-театральные вечера, устраиваемые вахтанговцами, где происходили встречи с М. Москвиным, с В. Качаловым, с П. Лисицианом и др. В анфиладах дома демонстрировались полотна М. Сарьяна.

Передо мной программки концертной жизни квартета им. Комитаса 50-х годов, в Доме Культуры в Москве. В содружестве с певицей Ниной Дорлиак (супруги выдающегося пианиста Святослава Теофиловича Рихтера) звучали бессмертные творения Шуберта, Гурилёва, Варламова, квартеты Шуберта (ре-минор) и Чайковского (ми-бемоль-минор), трио «памяти великого артиста» П.И. Чайковского с пианистом Петром Романовским и квартет Фамажор соч. 22. Один за другим следовали концертные выступления с А. Гольденвейзером, Г. Нейгаузом, К. Игумновым, Я. Заком, С. Рихтером, Э. Гилельсом, Д. Шостаковичем; этот сезон был назван «историческим».

История творческой биографии моего отца и дальнейшей его московской профессиональной и семейной жизни займет не одну страницу моих воспоминаний, некоторые же штрихи и детали жизни его семьи Габриэлян-Хорозьянов, надеюсь, дополнят картину старого Нахичевана, давшего такое количество выдающихся армян в области музыки, живописи, литературы и науки, в числе которых имя Авета Габриэляна занимает свое достойное место.